

Екатерина II в переписке с Ф.М. Гриммом

Арина Новикова (Магистерская программа «История современного мира»)

В XVIII веке в Европе наблюдается всплеск интереса к чтению (так называемая «мания чтения»); развитие общественных пространств в европейских столицах (салоны, масонские ложи, джентльменские клубы и т.п.); рост путешественников, для которых открылись и «экзотические места» (такие, как Россия). К концу века было опубликовано множество трудов просвещенных философов: трактаты, энциклопедии, эссе, размышления и т.п. «Просвещенные» правители европейских стран стремились проводить политику, советуясь с философами, поэтому большинство из них имело в Париже своих корреспондентов, которые сообщали им все новости в области литературы, науки, искусства и общественной жизни.

Как известно, 28 июня 1762 г. российская императрица Екатерина II пришла к власти в результате государственного переворота, в прямом смысле «устранив» своего супруга, законного монарха Петра III. Чтобы закрепить своё право на престол, она постаралась

Екатерина II в переписке с Ф.М. Гриммом

привлечь на свою сторону общественное мнение Европы. Екатерина II в период с 1762 по 1796 год от лица государства всеми силами содействовала просвещению. Она вела обширную переписку со многими философами. В эпоху Просвещения ставка на философов была обоснована тем, что они имели реальный вес в европейском общественном мнении, с которым приходилось считаться.

В данной работе будет рассмотрена переписка Екатерины с Фридрихом Мельхиором Гриммом, которая началась весной 1774 года и регулярно продолжалась до кончины императрицы (1796 г.)¹. Как отмечает С.Я. Карп, именно этот «интернациональный» политический деятель после Дидро занимал роль «главного посредника» в русско-французских культурных связях². Основная гипотеза заключается в том, что письма Екатерины Гримму носят политический характер и нацелены на построение «мифа» императрицы³.

Личность барона Ф.М. Гримма и знакомство с Екатериной II

Барон Ф.М. Гримм (1723-1807) родился в Регенсбурге в семье лютеранского пастора, окончил Лейпцигский университет и по его окончании (в 1749 году) прибыл в Париж в качестве наставника детей графа Шомберга. Благодаря положению в семье графа вскоре Фридрих Мельхиор сблизился с Дидро, Гольбахом, Д'Аламбером и другими философами. Со временем он обрел связи с наиболее высокопоставленными особами и получил место при дворе. С 1753 года Гримм начал работу литературным корреспондентом и составлял рукописную газету для герцогини Саксен-Готской. Затем его подписчиками стали шведский король Густав III, польский король Станислав Понятовский, императрица Екатерина и ландграфиня Гессен-Дармштадская. Статьи для «Корреспонденции», помимо самого Гримма, писали Дидро, аббаты Рейналь и Галиани, мадам д'Эпине и другие⁴. С середины 1770-х он оставил поприще корреспондента. Но одна из читателей читательниц «Корреспонденции», ландграфиня Гессен-Дармштадская, пригласила Гримма в свою свиту во время путешествия в Петербург по случаю бракосочетания её дочери, будущей великой княгини Натальи Алексеевны, с великим князем Павлом Петровичем. Именно тогда Гримм лично познакомился с Екатериной II. При отъезде весной 1774 года она выразила желание продолжить общение с энциклопедистом в переписке. Вероятно, встреча с императрицей не оставила равнодушным и Гримма. Он писал об императрице: «Она всегда верно схватывала мысль своего собеседника, так что неточное или смелое выражение никогда не вводило ее в заблуждение...»⁵. С 1774 года Екатерина и Фридрих Гримм начали вести постоянную переписку.

После революционных событий во Франции Гримм покинул Париж. В 1795 году он был назначен русским посланником при штатах Нижне-Саксонского округа Священной Римской империи, но после того, как лишился одного глаза, покинул службу и остаток жизни провёл в Готеб.

Многие исследователи отмечают, что переписка Екатерины с Гриммом отличается от переписок императрицы с другими лицами (Вольтером, Дидро, Иосифом и др.) высокой степенью доверия. Чем обусловлена симпатия императрицы к энциклопедисту? Я.К. Грот считал, что этому способствовало сходство их биографий и «живой и практический ум» Гримма. Так, Екатерина, помимо шуточных сообщений, обсуждала с бароном и весьма важные политические вопросы: «то была не пустая болтовня, перескакивающая с одного предмета на другой, когда праздность вытягивает ряд лишенных связей мыслей, когда скука отбрасывает один предмет, чтобы коснуться двадцати других. То были разговоры, где все держалось нитями, часто едва приметными, но тем более естественными, что все сказанное не было подведено намеренно»⁷. То, что переписка имела особенное значение, доказывается страхом Екатерины «утечки» писем, который она не раз выражала в посланиях (чего не делала с другими своими корреспондентами).

Политические события в оценке Екатерины и Гримма

Начало переписки совпадает с поимкой Пугачева, поэтому взгляды Екатерины, не на шутку обеспокоенной восстанием, в этот момент нельзя назвать либеральными. В восприятии императрицы это событие понималось как невероятная беда для страны. В письмах она пользуется эпитетами: «зло» (чаще всего) или более ярко – «зло поносное», «мерзкая сия комедия», «злодейское дело», «лютейшие варварства», «вред», «вором и самозванцем заведенный Империи вредный бунт». Это злодеяние, по ее мнению, требует и чрезвычайных мер – казни, оправданной тяжестью урона. Она явно хотела показать просвещенному корреспонденту, что восстание – это возвращение к варварству, позор для «просвещенной» империи, и тем самым обосновать казнь.

Американская революция была воспринята Екатериной достаточно спокойно: она взяла нейтральную позицию, но подчеркивала, что на месте Георга III, «испытавшего тридцать шесть несчастий Арлекина», никогда бы не признала независимость колоний⁸. При этом и бороться с антироялистами императрица не желала. В письме от 11 августа 1778 г. она объяснила Гримму свою стратегическую позицию, давая понять, что договор с Англией она подписывать не собирается (и, действительно, в 1780 году она инициировала создание

декларации о вооруженном нейтралитете, направленном против воюющих государств)⁹. Что касается отношения к самому английскому королю, которого Екатерина называла «брат Георг», то на протяжении переписки она постоянно шутит на его счет: часто называя его «суконщиком» (“drapier”), императрица откровенно высмеивает его попытки «без гения писать, как Вольтер», его неудачную внешнюю политику и т.п.¹⁰.

Одним из самых ярких событий в Европе во время правления Екатерины была Великая Французская Революция 1789 года. Императрица с беспокойством следила за событиями во Франции. «К чему же все это приведет», – спрашивала она Гримма¹¹. Отмена дворянства лишала, по ее мнению, народ его лучших представителей, «тысячедвухсотголовая гидра» (так она называла Национальное собрание) навлекает беду на страну, а сообщники «маркиза Пугачева» разрывают Францию на куски¹². Гримм выступал посредником между императрицей и субсидируемыми ею французскими роялистами. Императрица вопрошала: «Что сделали французы со своими лучшими авторами, которые почти все жили при Людовике XIV? Все они, в том числе и Вольтер, – роялисты. Они проповедовали порядок и спокойствие и все то, что несовместимо с системой тысячедвухсотголовой гидры»¹³. На вопрос о том, что случится с Францией после того, как она станет республикой, императрица пишет: «Тогда весь мир захочет, чтобы она вновь стала монархией», «я еще никогда не видела ни одного национального собрания или сейма, которые бы совершили нечто иное, кроме уймы глупостей...»¹⁴.

Итак, отношение императрицы к революциям в целом выражено в ее письме от 27 августа 1791 г.: «У меня от природы сильное презрение ко всем народным движениям»¹⁵.

Педагогические проблемы, обсуждаемые в переписке

Как известно, в политике Екатерины не последнее место отводилось воспитательным и образовательным проектам. Главным сподвижником Екатерины в воспитательных вопросах был И.И. Бецкой, хотя она также предлагала Гримму принять на себя заведование училищами¹⁶. Факт в том, что он отказался, но остался близким советником императрицы. Также он постоянно снабжал императрицу европейскими нововведениями в вопросах просвещения. Последнее демонстрируется на протяжении всей переписки например, в письме от 7 декабря 1778 года Екатерина пишет, что «спрятала немецкую рукопись барона Дальберга в ящик, куда собираю сочинения о школах, гимназиях, университетах. Нетерпеливо жду, что вы можете еще мне доставить по этой части»¹⁷.

Когда в 1775 она находилась в Москве, которую считала городом распространения пороков, где образовательная реформа необходима в первую очередь, императрица записала: «Послушайте, господа философы, не составляющие секты: вы были бы премилые и превосходные люди, если б сделали благодеяние и выработали план обучения молодых людей от азбуки и до университета включительно. Вы скажете мне, что нескромно просить вас об этом, но мне говорят, что надо три разряда училищ, и я, которая не училась и не была в Париже, конечно, бедна сведениями и умом, и поэтому не знаю, чему следует учиться [...]. Я еще не получила книгу, которую вы послали с князем Долгоруким от матери Эмилии, но я очень затрудняюсь составить себе идею об университете, о его управлении гимназиями и школами и т.д.»¹⁸.

Первым законодательным актом Екатерины, реформировавшим систему образования, стало «Генеральное Учреждение о воспитании обоюбого пола юношества», утвержденное в 1764 г. Согласно «Учреждению...», для воспитания «новой породы людей» в 1760-1770-е годы были подготовлены уставы нескольких закрытых учебных заведений: Воспитательного училища при Академии Художеств, Училища для мещанских девиц, Московского Воспитательного дома, Коммерческого училища и др.

Из переписки с Гриммом становится ясно, что со временем императрица начала обращаться к менее либеральным педагогическим доктринам. В письмах 1777-1778 гг. императрица настойчиво интересовалась у Гримма о воспитательном заведении немецкого педагога И.Б. Базедова «Филантропине»¹⁹. Гримм ответил лишь в мае 1784 года: «То, что вы пишете о Филантропине, неутешительно; я придерживаюсь формы нормальных училищ, которая начинает пользоваться у нас очень хорошей репутацией»²⁰. Опасения Гримма были связаны с тем, что Екатерина выбрала не «естественное воспитание» по Локку, а германский вариант, где превалировали дисциплина и подчинение²¹.

Судя по практическим результатам, просветительская модель все-таки не нашла отражения в образовательной политике государства, но была применима для индивидуальной программы воспитания великих князей Александра и Константина. Эта программа призвана была воплотить в жизнь руссоистский и локковский идеал «естественного человека» – всесторонне развитой, свободной от предрассудков гуманной личности.

Екатерина II создала специальную Азбуку для обучения, в ходе изучения которой ребенок должен был знакомиться с нравственными истинами. Императрица определила цель и задачи данной книги: «Нанизывая правила, одно за другим, как бусинки на ниточку, мы узнаем самые

Екатерина II в переписке с Ф.М. Гриммом

разные вещи, я преследую этим две вещи: расширить кругозор впечатлениями от разных предметов и возвысить душу, формируя характер»²². Любопытно, что воспитателем внуков она назначила Лагарпа, восторженного ученика Локка и Руссо, который пропагандировал свободу и рационализм, за что Екатерина называла его «месье якобинец»²³. При этом она неоднократно выражала Гримму удовлетворение тем, как Лагарп умеет заинтересовать публику и «внушает доверие»²⁴. Своего же воспитателя Вагнера Екатерина называла никак иначе, как «немецким брюзгой», без конца читавшего длинные проповеди и истязавшего ее педантичными экзаменами. В отличие от старого пастора Вагнера, ее гувернантка-гугенотка, практичная и дававшая пищу для ума французенка, могла заинтересовать молодую принцессу тем, что «наряду с другими познаниями всегда были наготове всевозможные комедии и трагедии»²⁵. Лагарп был избран воспитателем великого князя, поскольку в его характере Екатерина видела отражение своего и посчитала, что способный вызвать симпатию швейцарец более всего подходит на эту роль.

Не во всех вопросах Екатерина II и Фридрих Гримм сходились во мнении. 1 июля 1779 г. Екатерина выразилась о программе обучения Александра следующим образом: «Предоставьте его самому себе, зачем хотите, чтобы он обдумывал и узнавал, что думали и знали до него? Учиться нетрудно, но, по-моему, нужно, чтобы голова ребенка и его способности развились прежде, чем оглушат его множеством исторических событий: их тогда надо представлять с разбором»²⁶. Здесь императрица явно демонстрирует своему корреспонденту свою приверженность руссоистскому варианту воспитания.

В 1784 году Екатерина выпустила «Наставление о воспитании великих князей Александра и Константина»: «Лагарп будет говорить с ним не иначе как по-французски. Другому поручено говорить с ним по-немецки. По-английски он уже говорит»²⁷. Императрица считала, что «языки и знания суть меньшая часть воспитания их высочеств. Добродетели и добронравие, состоянию и рождению их приличные, составлять должны главнейшую часть их наставления. Когда добродетели и добронравие вкоренятся в душах детей, все прочее придет ко времени. Языкам не иначе учить, как разговаривая с ними на тех языках, но чтоб притом не позабывали своего языка Русского»²⁸. Таким образом, основой воспитания внуков для Екатерины стало естественное воспитание нравственных качеств, а не знаний и навыков.

Заключение

Итак, несмотря на отмеченную Я.К. Гротом правдивость отражения мыслей и впечатлений российской императрицы в переписке с Гриммом, несмотря на

Екатерина II в переписке с Ф.М. Гриммом

конфиденциальность писем и отсутствие интенции к их дальнейшей публикации, будет справедливо отметить, что многие из них носят характер политической программы – самопрезентации и демонстрации «сценария власти» Екатерины. Наряду с политическими целями переписка Екатерины могла выполнять еще одну функцию: считая себя писательницей и желая, чтобы таковой ее считали и другие, императрица участвовала в европейском литературном дискурсе²⁹. В то же время важным предметом размышления были будущие проекты реформ, которые воплощали надежды всех просветителей XVIII века и которые берется претворить в жизнь русская императрица. Екатерина нуждалась в людях, представлявших ее интересы в европейской публичной сфере, поскольку общественное мнение было важным инструментом власти монарха.

Порой в слогe императрицы наблюдается чрезмерная театральность: в 1787 году (после начала русско-турецкой войны) Екатерина писала: «Моя роль давно написана, и я постараюсь сыграть ее как можно лучше»³⁰. Возможно, для исследования переписки необходимо подключить психологические методы исследования, чтобы выявить, были ли письма орудием политической стратегии или императрица на самом деле позиционировала себя в таких категориях. В любом случае, этот источник представляет собой большую ценность, поскольку охватывает длительный хронологический период и, несомненно, богат по содержанию.

Библиография

- Екатерина II, Письма к Гримму (1774-1796) // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1878. Т.23.
- Екатерина II, Наставление о воспитании великих князей Александра и Константина : 13 марта 1784 года // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1877. Т. 10. С. 310-330.
- Письма барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1885. Т. 44.
- Русский архив: Историко-литературный сборник. 1878. Вып. 9-12.
- Грот Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб.: б.м., 1884.
- Карп С.Я.* Французские просветители и Россия: Исследования и новые материалы по истории русско- французских культурных связей второй половины XVIII в.. М.: Б/и, 1998..

Екатерина II в переписке с Ф.М. Гриммом

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы / пер. с нем. И. Карташева и М. Ларионович. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Сноски

1 Сборник Императорского русского исторического общества (Далее, СИРИО). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1878. Т. 23. С. I-V.

2 *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия: Исследования и новые материалы по истории русско- французских культурных связей второй половины XVIII в.. М.: б.м., 1998. С. 232.

3 *Живов В.М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция. 1989. Вып. 20. С. 141-169.

4 *Карп С.Я.* Указ. соч. С. 200.

5 Письма барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II // СИРИО. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1885. Т. 44. С. 331-333.

6 *Гримм Ф.М.* Историческая записка о происхождении и последствиях моей преданности императрице Екатерина II // СИРИО. Т. 2. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1868. С. 325.

7 Там же. С. 332.

8 СИРИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 224.

9 Там же. С. 77.

10 Там же. С. 192-193, 277.

11 Там же. С. 479.

12 Там же. С. 421.

13 Там же. С. 493-494.

14 Там же. С. 521, 535.

15 Там же. С. 550.

16 *Грот Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб.: б.м., 1884. С. 11.

17 СИРИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 491.

18 Там же. С. 19.

19 Там же. С. 87.

20 СИРИО. СПб., 1885. Т. 44. С. 18.

Екатерина II в переписке с Ф.М. Гриммом

- 21 *Мадариага И. де*, Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 798.
- 22 СИРИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 229.
- 23 Там же. С. 229-232.
- 24 Там же. С. 229, 232.
- 25 Там же. С. 78.
- 26 Там же. С. 215.
- 27 Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1875. Кн. 3. С. 95.
- 28 Екатерина II, Наставление о воспитании великих князей Александра и Константина // СИРИО. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1877. Т. 10.
- 29 *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 33.
- 30 СИРИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 391.